

С 51-902.7
257

РУЖЕНИЦА
ОСТОКА

В.Н.Добрянский
ЧУДЯТКА

Д. Н. ДОБРЯНСКИЙ

С57-902, 7

257

У Р Я Т К А

РАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕЧЧЕСТВА» НКЗ
МОСКВА — 1928

1. Общий очерк Бурято-Монгольской автономной ССР

Бурято-Монгольская автономная советская социалистическая республика, часть РСФСР, выделенная из частей б. Иркутской и Забайкальской губерний, расположена на юго-востоке центральной Сибири. На западе, севере и северо-западе она граничит с Сибирским краем, на востоке с Дальневосточным краем, а на юге с Монгольской республикой. Общая площадь республики—385.000 кв. кил. Населения—485.000 чел., в том числе 444.000 сельского и 41.000 городского. Последнее сосредоточено в двух городах—Верхнеудинске (центр) и Троицкосавске. В административном отношении республика делится на 8 аймаков (Агинский, Аларский, Баргузинский, Борханский, Тункинский, Троицкосавский, Хоринский и Эхирит-Булагатский), 1 уезд (Верхнеудинский) и 3 района (Северо-Байкальский, Баунтовский и Кабанский). Аймаки, уезд и районы в свою очередь распадаются на хошуны (там, где преобладает бурятское население) и волости (там, где преобладает русское население). Всего в республике 35 хошунов и 26 волостей, что приблизительно соответствует нациальному составу, так как буряты, составляя половину всего населения, в очень незначительном количестве (0,8%) населяют города.

Главлит А—16269

Тираж 7.000

8-я тип. „Мосполиграф“, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Бурято-Монгольскую республику, группирующуюся вокруг Байкала, одного из самых больших (свыше 30.000 кв. кил.) и самого глубокого (свыше километра во многих местах) в мире озера, по устройству поверхности можно разделить на две части: западную (Аларский, Боханский и часть Эхирит-Булагатского аймака), представляющую собой в общем плоскогорье полуравнинного характера с относительно мягким рельефом, и восточную—типичную высокогорную область, в которой горные хребты отделяются друг от друга глубокими котловинами или пересекаются речными долинами. Среди этих хребтов, составляющих часть Прибайкальской системы, можно отметить Тункинские белки (на юг от Байкала), Хамар-Дабан (на юго-востоке) и еще дальше в том же направлении Цаган-Дабан; вдоль восточной границы проходит Яблоновый хребет.

Наличие горных истоков и глубокой котловины Байкала обусловливают и обилие рек. Байкал принимает 336 притоков, в том числе 3 судоходных реки (Селенга, Верхняя Ангара), и дает начало Ангаре (последняя по территории Бурято-Монгольской республики, впрочем, не протекает). Надо отметить еще и.р. Витим, приток Лены, на значительном протяжении (700 км.) несущий свои воды вдоль восточных окраин республики. Кроме рек, край изобилует и озерами, впрочем, не могущими идти в сравнение с гигантом Байкалом.

По всему протяжению республики раскинулись мощные таежного типа леса, при чем особенно ценными по своему качеству древесными породами являются сосна, кедр, ель и лиственница. Общее протяжение лесов огромно:—средняя лесистость до 75%. Леса изобилуют ягодами, грибами и различными лекарственными травами. Надо от-

метить заросли бадана, высокогорного растения из которого изготавливается дубильный экстракт (пока произведены лишь обследования). Вообще лесные богатства Бурято-Монгольской республики неисчерпаемы, и если отметить, что из ежегодного

прироста древесины потребляется всего 2—3%, то перспективы развития лесного хозяйства станут во весь рост.

В полном соответствии с природными условиями находится и богатейший животный мир края. Помимо крупных хищников (медведь, волк, лисица,rossомаха, рысь) особенное значение для края имеет обилие мелких промысловых животных, из которых отметим белку, соболя, хорька, выдру, зайца и др. На Байкале в больших размерах ведется промысловая охота за нерпой (байкальский

тюлень). Кроме того сильно развита охота на диких коз, северного оленя и марала (особый вид оленя, ценимого за рога). В лесах, по рекам и по озерам множество дичи (рябчики, тетерева, утки, гуси и т. д.). Точно также исключительно богат край рыбой (омуль, хариус, осетр и множество других пород), водящейся в реках и озерах, особенно на Байкале, и являющейся предметом очень сильно развитого рыбного промысла и массовым продуктом питания.

Климат, в связи с разнообразием и горным характером страны, дает некоторые местные колебания, но в общем, вследствие значительной высоты над уровнем моря, крайней удаленности от морских пространств, носит резко выраженный континентальный характер, с суровыми зимами, относительно зноным летом и малым количеством осадков. Средняя годовая температура по всей республике ниже нуля, а в некоторых высокогорных районах дает даже 4° ниже нуля. Надо отметить, что западная часть обладает более мягким климатом. Климатической особенностью края являются чрезвычайно бурные летние ливни, нередко вызывающие катастрофические для населения наводнения.

Чтобы закончить это краткое физико-географическое описание края, отметим, что ископаемые богатства края, хотя еще недостаточно изученные и очень мало используемые, велики. Имеется золото (Баргузинский район), железо, свинец, каменный уголь, соль, самоцветы, мраморы, плавиковый шпат и др. Очень велики и по количеству и по качеству почти также неиспользуемые минеральные источники. Им принадлежит, бесспорно, огромное будущее, и недалеко, может быть, то время, когда Забайкалье станет такой же всесоюзной

«фабрикой здоровья», как например Северо-Кавказский район.

Край поражает разнообразием, величием и мощью своего ландшафта. «Святое море» Байкал, равного которому по дикой, первобытной красоте нет, как говорят, нигде в мире, окаймлен скалистыми берегами, прорезываемыми речными дельтами. Все это утопает в яркой зелени молодого леса, сочной травы или в суровых красках подступающих иногда к самому берегу таежных картин. Непроходимая тайга, пустынные степи, роскошные луга, неприступные утесы, песчаные холмы, громады трудно проходимых хребтов, поросших могучими лесами, горные речки, горные долины и котловины, озера, в миниатюре повторяющие панораму Байкала,—все это раскинуто по территории республики и дает пожалуй, такое обилие и богатство впечатлений путешественнику, которое он вряд ли мог бы получить где-нибудь в другом месте.

Главным населением края являются, как мы уже отметили выше, буряты. По численности им почти не уступают русские, так что на долю остальных (тунгусы, евреи, татары, китайцы) приходится совершенно ничтожный процент.

Буряты—народ монгольской расы, известный с XII столетия нашей эры. Они древние наследники края, по крайней мере, на значительной части занимаемой ныне территории. Наибольшее распространение буряты имели к началу XVII века, когда, двигаясь в направлении с востока на запад и прочно оседая, в связи с переходом от звероловного к скотоводческому хозяйству, вокруг Байкала, столкнулись здесь с русскими, расширявшими свои сибирские завоевания. В дальнейшем край и его население переживает обычную для того вре-

мени историю. Сначала военный разгром, обусловленный превосходством военной техники (огнестрельное оружие), и затем, принятие в «подданство» с неизбежным «ясаком» (данью), налагаемым на население и вызывающим его экономическое разорение. Система поборов, превосходно разработанная местными чиновными воротилами и включавшая, как правило, целый ряд уродливейших злоупотреблений, вызывала, естественно, восстания, на которые царская власть отвечала жестокими расправами. Иногда казачьи отряды самовольно отправлялись в набеги на бурятские улусы (деревни), грабя и разоряя их ради военной добычи, что, конечно, вызывало ответные нападения со стороны бурят, и затем уже «законные» усмирения. Историк Фишер рассказывает, напр., о некоем казацком пятидесятнике Курбате Иванове, который «захотел отведать счастья своего над бурятами, жившими в Ангарской степи, напал на них нечаянно и некоторую получил добычу. Сим нападением весьма огорчились обиженные буряты против Верхоленских казаков и задумали отвратить сие зло разорением острога». На протяжении всего XVII века происходит эта борьба жестоко эксплуатируемого и обираемого населения с русскими завоевателями, пускающими в дело не только свою военную силу, но и испытанный прием натравливания одной части населения на другую. Во время этой борьбы отдельные группы бурят уходили в соседнюю Монголию, хотя, надо отметить, что русские силой оружия пытались препятствовать такому переходу, грозившему уменьшением сбора ясачной дани («чтоб не учинить порухи государству прибытку ясашной казны»).

К концу XVII века героическое сопротивление бурят было, однако, сломлено. Уже с середины

того же века и весь последующий происходила усиленная колонизация края русскими поселенцами, имевшая цельюочно закрепить его за Россией.

Колонизация эта развивалась в нескольких направлениях. С одной стороны, правительство отправляло сюда отдельными партиями крестьян, которых воеводам было приказано расселять по районам, удобным для земледелия, чтобы обеспечить сибирские войска местным хлебом. С другой стороны, край являлся местом для оседания ссыльно-переселенцев, главные кадры которых давали уголовные преступники, политически неблагонадежные элементы и военнопленные. И, наконец, с третьей стороны, происходила усиленная колонизация самотеком, помимо правительственный инициативы. Главными двигателями этой колонизации явились промышленные и торговые хищники, организовывавшие свои собственные отряды и часто с успехом конкурировавшие в деле грабежа местного населения с царскими воеводами. Кроме того, очень значительно было переселение старообрядцев, бежавших сюда от религиозных преследований. Последние и до настоящего времени представляют наиболее сильную группу местного русского населения (так называемые «семейские»).

Колонизаторская политика царской России самым тяжелым образом отразилась на положении местного бурятского населения. Прежде всего буряты были оттеснены с лучших земель, которые захватывались русскими на правах завоевателей. Кроме того,—и это было для бурят не менее тягостным—система торгового хищничества, практиковавшаяся русскими купцами и кулаками, в необычайной степени способствовала их экономическому разорению. Скупка за грошевые безделушки

ценных мёхов, ростовщичество в самых его уродливых формах, спаивание населения и хищническая торговля водкой—таковы основные приемы этой торговли. Естественно, что она, обединяясь с грабительской политикой корыстолюбивой администрации, способствовала все большему обнищанию бурятского населения, подрывая под ним экономическую базу. Этот процесс постепенного разорения бурятского хозяйства продолжался до самой Октябрьской революции, и яркой иллюстрацией к нему может служить следующая экономическая справка. В 80-х годах прошлого столетия на бурятское хозяйство западных аймаков приходилось 5,24 гектара пахотной земли, а к 1917 году лишь 3,49 гектаров. Точно также у скотоводов бурят восточных аймаков в 1897 году насчитывалось 1.533.435 голов скота, а в 1916 году это количество снижается уже до 1.333.672 голов.

На ряду с экономической эксплуатацией, бурятам пришлось в полной мере испить горькую чашу всяческих притеснений и унижений, обычно свойственных участи побежденного.

Многолетнее сожительство бурят и русских сильно сказалось на бурятской культуре и в бурятском быту. Надо, впрочем, отметить, что и русские, в свою очередь, в сильной степени испытали влияние бурят, оказавшихся, пожалуй, наиболее стойкими среди сибирских народностей, хотя, с другой стороны, и наиболее восприимчивыми в отношении усвоения русской культуры. В этом взаимовлиянии прежде всего следует подчеркнуть физическое смешение русского и бурятского населения, произшедшее в результате брачных (в том числе и внебрачных) связей и приведшее к образованию нового этнографического типа, носящего название «кармы». Во—вторых,

весьма существенным является усвоение частью бурятского населения типа жилища, одежды, способов ведения хозяйства, нравов и обычаев, равно, как и «обурячивание» целых групп русского населения, имеющего место, в особенности, в отдаленных поселках края.

Степенью русского влияния в быту и в хозяйстве в настоящее время собственно и характеризуется распадение бурят на две основные группы. Это северо-западные или добайкальские и юго-восточные или забайкальские буряты. Первые, т.-е. добайкальские буряты, живя отдельными группами среди русского населения, в обстановке чрезвычайной национальной чересполосицы, в сильнейшей степени подверглись русскому влиянию, что сказалось, например, в усвоении ими русской письменности. Они представляют собой оседлую земледельческую часть бурятского населения, чему содействуют и географические условия, так как занимаемая ими территория является наиболее удобной для земледелия. В противоположность им забайкальские буряты, живущие более крупными группами в долинах и котловинах горного Забайкалья, в несравненно менее значительной степени отражают на себе русское влияние. Скорее на забайкальских бурятах сказалось культурное взаимодействие с соседней и родственной им Монголией, и они усвоили, например, письменность на халхасском (монгольском) наречии. Точно также совершенно мало отражается русское влияние в быту, нравах и хозяйственном укладе жизни забайкальских бурят. До сих пор они, по преимуществу, скотоводы полукочевого типа. Говоря в дальнейшем о своеобразии бытовой обстановки бурят, мы будем иметь в виду, главным образом, забайкальских бурят, так как добайкаль-

ские буряты сохраняют лишь следы этого своеобразия, в значительной степени уже стертого русскими формами, русскими нравами и обычаями.

Перед тем, как приступить к описанию бытовой обстановки, дадим самые общие цифры, характеризующие экономическую крепость среднего бурятского хозяйства. Общая площадь посева свыше 210.000 десятин, что дает в среднем около $2\frac{1}{2}$ десятин на одно хозяйство (всего в Бурятии около 90.000 отдельных хозяйств). При валовом сборе в 9 с небольшим миллионов пудов на душу населения приходится около 20 пудов. Каждое хозяйство в среднем имеет 2—3 лошади, 6—7 голов крупного и 5—6 голов мелкого скота. Таким образом, средние цифры дают картину мелкого земледельческого хозяйства с сильным скотоводческим уклоном. Но так как и земельный и скотоводческий фонд распределены далеко не равномерно, то эти цифры нуждаются в очень сильных поправках, и не могут, конечно, служить характеристикой индивидуальных хозяйств. В частности следует отметить, что подавляющая часть земледельческих фондов приходится на долю русского населения и добайкальских бурят, значительно понижая, таким образом, среднюю долю участия забайкальских бурят. С другой стороны, последние, являясь, по преимуществу, скотоводами, обладают, в среднем, более высокой нормой обеспечения скотом. Помимо этих основных поправок, надо, конечно, внести еще и ряд поправок за счет экономического расслоения населения, дающего довольно значительные колебания между кулацким и бедняцким хозяйством. В общем же, если учесть крайне неблагоприятные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов, в виду удаленности рынков, бездорожья, при котором пересекающая

республику Сибирская железная дорога не может сыграть решающей роли, начальное состояние промышленности, ни в какой степени не могущей удовлетворить край необходимыми промтоварами, и крайне высокие, в виду дороговизны фрахта, цены на эти последние—то общее экономическое состояние края далеко не может считаться удовлетворительным. Несмотря на громадные естественные богатства и на широчайшие возможности, открываемые ими, Бурятская республика еще не достигла порога, за которым начинается экономическое процветание.

Буряты живут отдельными группами в 10—30 хозяйств в улусах (деревнях), при чем усадьбы обычно разбросаны крайне беспорядочно и на довольно большом расстоянии друг от друга. Усадьба каждого бурята состоит из 1—2 изб или юрт, нескольких низких стоек для скота, иногда амбара. Бурятская юрта представляет четырехугольную, восьмиугольную, а чаще всего шестиугольную постройку, сложенную из перекрещивающихся бревен, с деревянным же потолком, утепленным землей и тесовой или драневой крышей, иногда заменяемой дерном. В середине крыши оставляется отверстие для выхода дыма. Под этим отверстием на полу устраивается кирпичная или глиняная площадка, на которой расположен примитивный бурятский очаг—три вертикальных камня. Остальной пол в юрте досчатый, и только у беднейшего населения весь пол земляной. В юрте почти всегда одна комната. Меблировку ее составляют кровать, несколько низких столиков, похожих на скамейки, и много сундуков, в которых хранится домашний скарб. Иногда прибавляется комод или шкаф для хранения посуды, деревянный диванчик и несколько стульев. Пол засти-

лается кошмами или коврами из шкурок домашних животных. Для сидения служат разложенные на полу подушки, набитые шерстью или волосом. Стены украшены занавесками или ковриками; вдоль одной из них устраивается полка, на которой устанавливается посуда. Наибольшее внимание

Рис. 1. Внутренность бурятской избы.

обращено на украшение стены, находящейся против входа в юрту. У забайкальских бурят, ламаистов по религии, у этой стены помещаются шкафы с буддийскими божками и другими священными изображениями и предметами. У добайкальских бурят, по преимуществу шаманистов, посредине ее вешается ковер, украшенный монетами, раковинами и т. п.

Это описание жилища и внутреннего его убранства, конечно, очень условно, и от этого типа существует много отклонений, зависящих как от района, так и от степени зажиточности. Надо отметить, что русское влияние, исключительно сильно отразившееся на добайкальских бурятах, сказалось и на типе их построек, очень часто совершенно не отличающихся от русских крестьянских изб. Только во внутреннем устройстве у них еще сохраняются некоторые национальные особенности.

Улус, краткое описание которого дано выше, является зимним местопребыванием бурят, которое так и называется «зимником». В летнее же время буряты откочевывают на особые места («летники»), где у них имеются специальные постройки, главным образом, юрты. «Летники» расположены обычно в 10—20 километрах от «зимников», хотя очень часто находятся совсем близко от последних (напр. 1—2 километра) или очень далеко (50 и больше). Этот переход из «зимников» в «летники», являясь, возможно, переходной стадией от кочевого к оседлому быту, диктуется интересами скотоводства: скот трудно прокормить на одном месте и кроме того таким путем бурят избегает потрав на удобренных лугах (утугах), расположенных вокруг зимников и доставляющих запас сена на зиму и раннюю весну, когда скот особенно страдает от бескорьицы. Как бы там не было, буряты, как правило, летом покидают улусы и перебираются в летники. У некоторых бурят кроме летников имеются особые места, а равно и постройки и для весенних и осенних перекочевок. Жилищами на этих кочевьях являются исключительно юрты, описание которых дано нами выше.

Пища бурят, главным образом, молочно-мясная, и лишь у части добайкальских земледельцев ос-

новное питание дает хлеб. Любимым сортом мяса является баранина, если не считать тарбагана (сурка), употребляемого, как лакомство. Кроме мяса, обычной пищей бурят, является кирпичный чай, сваренный с молоком, маслом и солью, а иногда и с мукой («затуран»), и молочные продукты, (творог, масло, вареные пенки и т. д.). Из молока же гонится в чрезвычайно большом количестве водка (тарасун или араха), имеющая очень широкое употребление. Идет в пищу также рыба и птица, но большею частью только тогда, когда нет баранины. Овощей буряты едят очень мало.

Одежда бурят, почти одинаковая, как у мужчин, так и у женщин, состоит из нижних, преимущественно, бязевых (зимой бумазейных) рубах и штанов и халата (тарлыка) из шелковой, шерстяной или бумажной материи. Зимой халат получает меховую подкладку, иногда покрываясь сукном, а часто совершенно не имея матерчатого верха. Женские тарлыки очень незначительно отличаются от мужских, делаясь лишь длиннее и получая сзади ряд мелких складок и сборок. Иногда бурятки носят поверх тарлыка кофту-безрукавку, сшитую из более яркой материи и вышитую обыкновенно шелком. Особенностью праздничного женского наряда является своеобразная прическа, называемая «тасурган» и представляющая собой два крепко сплетенные и даже склеенные между собой полукруга волос с массой нанизанных на них серебряных монет, кораллов и т. п., при чем несколько кос с вплетенными в них украшениями спускаются на грудь. В обычное время замужние женщины заплетают волосы в две косы, а девушки 10—20 мелких косичек. Головным убором, как у мужчин, так и у женщин, зимой являются ват-

ные шапки, опущенные мехом, с острым верхом и приподнятыми наушниками. Летом мужчины носят войлочные шапки, а женщины ходят с не-покрытой головой или повязываются платками. Национальной обувью являются «гутулы», короткие юфтовые сапоги на толстой подошве с остроконечным загнутым кверху носком, или «ичиги», сапоги на тонкой подошве, легкие и просторные. Надо отметить, что в последнее время буряты в значительной массе перешли и переходят на русскую обувь, при чем обувь местного покрова носят, преимущественно, женщины. Несколько иными особенностями отличается национальная одежда добайкальских бурят, при чем здесь мы отметим женскую верхнюю одежду—«дышлей», состоящий из юбки и кофточки и богато разукрашиваемую шапку («малагай»). Впрочем, национальный костюм добайкальцев, особенно сильно воспринявших, как мы это указывали выше, русские культурные влияния, в значительной степени вытесняется одеждой русского покрова.

Домашняя жизнь несколько отличается от жизни русского сибиряка-крестьянина. Помимо изменений, вносимых в быт скотоводческим уклоном хозяйства значительной массы населения, эти особенности вытекают еще из целого ряда исторических условий. Среди последних надо выделить пережитки родового строя, до самого последнего времени сохранившего свое влияние в ряде обычаяев, общественных и семейных традиций, и особенно заметно отражающегося на положении женщины в бурятском обществе. Об этом, впрочем, мы будем говорить подробно ниже. Сейчас же подчеркнем только, что родовой строй оказал большое влияние на то подневольное, почти кабальное состояние, в котором у бурят находится женщина.

Хотя основной экономической ячейкой является уже не род, а семья, пережитки родового быта и его влияние сказываются не только на организации общественных отношений, до революции сохранивших свою родовую структуру, но и на экономике. Дело в том, что царская Россия в стремлении снизить накладные расходы по сбору ясака, прибегла к помощи родовых старейшин. Последние, естественно, присваивали себе его часть, обогащаясь, таким образом, за счет своих сородичей. При распадении же родового хозяйства, они, пользуясь своими административными и судебными правами, захватили в свои руки большую часть родовой собственности. Указанным частично обясняется наличие у бурят довольно значительных кулацких верхов.

Как мы уже отмечали выше, значительная часть бурятского населения—скотоводы. Помимо надзора за стадами, отнимающим сравнительно немного времени, бурят-скотовод занимается еще рыболовством, охотой, лесными промыслами и т. д. Все свободное от занятий время он проводит у своего или соседского очага, т.-е. принимая гостей или отправляясь в гости. Работа же по дому, а часто даже и все сельскохозяйственные, в том числе и земледельческие работы перекладываются на плечи женщин, являющихся, таким образом, главными кормильцами семьи. В соответствии с этим трудовой день мужской и женской части населения имеет и разную продолжительность и разную нагрузку. В то время, как женщина подымается чуть свет, мужчина очень редко встает раньше 6, а зимой даже 8-9 часов, и часто отдыхает среди дня, о чем женщина, перегруженная работой, не может и подумать.

Домашняя обстановка, в которой буряты проводят время, дает крайне неблагоприятную в сани-

тарном отношении картину. Не говоря уже о том, что дым от очага невероятно загрязняет жилище,— отсутствие света и свежего воздуха, наличие телят, ягнят и других домашних животных, которых здесь выхаживают в тепле, и общая нечистоплотность,— все это вместе взятое делает бурятскую юрту или избу скопищем грязи и паразитов. На почве этой крайней негигиеничности бурятского жилища широкой волной разливаются всякого рода эпидемические заболевания.

Среди бурят крайне распространено хождение в гости друг к другу, сопровождающееся угожением. На долю мужчин при этом выпадает водка и мясо, поглощаемые совместно с гостями, и беседа с ними. На долю женщины приходятся усиленные хлопоты по хозяйству и об'едки с мужского стола: в разговоре она, обычно, участия не принимает. Кроме этих, до известной степени случайных празднеств, носящих семейный характер, у бурят имеется ряд общественных праздников, в которых принимает участие не только все население данного улуса, но и ближайшие соседи. Таких праздников, называемых «тайлаганами», обычно бывает довольно много, и из этого числа три—весенний, летний и осенний тайлаганы— обязательны. Расходы по устройству тайлаганов падают на все общество по раскладке. Происходят тайлаганы обычно где-нибудь на открытом месте по близости от улуса и, начинаясь с религиозных церемоний, продолжаются попойкой с пиршеством, по окончании которого происходят игры, борьба, скачки, стрельба в цель и т. п. развлечения. Кроме тайлаганов специально для молодежи устраиваются «вечерки», сопровождающиеся плясками, песнями и играми вокруг костров.

Наиболее древней из религий, исповедуемых бурятами, является шаманизм, сохранившийся сейчас среди подавляющего большинства добайкальских бурят и вытесненный в Забайкалье ламаизмом, сектантской разновидностью буддизма. Но даже и здесь, в Забайкалье, существуют кое-какие остатки первоначальных шаманистских верований, частично даже воспринятых ламаизмом.

Основной чертой шаманизма является чрезвычайно развитое одухотворение окружающих человека предметов и явлений природы.

Шаманист представляет себе мир населенным бесчисленным количеством духов, добрых и злых, имеющих непосредственную связь с человеком и окружающей его обстановкой и постоянно вмещающейся в человеческую жизнь. В частности все болезни по представлениями шаманистов являются результатом внедрения в человека злого духа. Посредниками в отношениях между человеком и духами, и в частности лекарями, являются шаманы, люди, обладающие способностью сноситься с духами, умилиостивляющие их жертвами, а иногда и борющиеся со злыми духами. Внешними, обрядовыми свойствами шаманизма, помимо жертвоприношений и особых обрядов, совершаемых шаманами с целью вызова духов, является еще и почитание священных рощ, гор или скал, отдельных предметов, у бурят получающее форму поклонения так называемым «онгонам,» священным изображениям или статуям богов. К числу таких изображений относятся, помимо человеческих фигурок, например, мешки с различными рисунками, куски ткани с изображениями людей и животных или даже просто шкурки животных. В заключение отметим, что православие, которое царская Россия пыталась насилием внедрить, среди бурят не имело

почти никакого успеха. Разве только к бесчисленному числу шаманистских духов прибавились еще и православные святыне, да количество шаманов увеличилось священником, применяющим особые формы вызова духов (церковная служба и обряды).

Как мы уже указали, шаманизм, как основная форма религиозных верований, сохранился, главным образом, у добайкальских бурят, а в Забайкалье вытеснен ламаизмом, занесенным сюда из соседней Монголии.

Ламаизм, помимо Монголо-Бурятской республики захватывающий калмыцкие степи, Монгольскую народную республику и Тибет—это одна из наиболее крупных сектантских разновидностей буддизма. Наиболее существенными особенностями его по сравнению с буддизмом является установление обрядовой церкви с культом Будды, как личного бога, и невероятное при этом развитие жречества, монастырей и вообще обрядовой стороны. Принимая буддистское учение о необходимости совершенствования человека, ламаизм в качестве основного условия этого совершенствования выдвигает полное послушание жрецам-ламам, среди которых, в свою очередь, существует определенное иерархическое подчинение. Всякий ве-рующий, а в особенности ученик, обязан «совершенствоваться в добродетели», оказывая ламе полное почитание, безусловно исполняя все его наставления и советы, и,—что, конечно, особенно существенно,—снабжая его пищей, одеждой и всем необходимым. Ламаизм, зародившийся в XIV веке и достигший к концу XVI века очень большого распространения, в Забайкалье появился в начале XVIII века и сделал здесь настолько прочные завоевания, что православие, пытавшееся конку-

рировать с ним, было принуждено уйти ни с чем, а царская администрация должна была допустить довольно сильное размножение ламаистских монастырей (дацанов) и духовенства, в известной степени даже вступив с последним в соглашение. Чтобы иллюстрировать степень влияния лам на местное бурятское население укажем, что в прежние времена бурят часто при посещении ламы уступал, из уважения к почетному гостю, собственную жену на ночь (что, между прочим, сильно способствовало распространению сифилиса). В последнее время обычай этот, правда, почти исчез и сохранялся лишь местами, в очень отдаленных улусах. Необычайное развитие ламства и его тлетворное влияние на экономическое состояние забайкальских бурят может характеризовать еще и следующая справка: в настоящее время 1 лама приходится в Забайкалье, в среднем на 18 человек бурятского населения, а в Хоринском аймаке даже на 13 человек, при чем содержание их обходится населению часто дороже, чем сельхозналог; так каждый двор по району Гусиноозерского дацана на содержание последнего израсходовал в среднем свыше 25 рублей в год. Цифры говорят за себя.

Мы остановились на вопросе о ламах потому, что он имеет первостепенное значение в условиях бурятской действительности и борьба с ламами и их влиянием стоит перед советской общественностью на первом плане. Не говоря уже о том, что содержание ламаистского духовенства ложится тяжелым и совершенно бесцельным балластом на трудовой бюджет рядового бурятского хозяйства, ламы являются здесь почти единственными врачами, что, конечно, не может содействовать разрешению задачи санитарного оздоровления края

(как врачи, ламы применяют приемы лечения так называемой тибетской медицины, равно как и тибетские лекарства).

Последнее, на чем мы остановимся в этом общем очерке, является вопрос о просвещении в дореволюционное время. И нужно отметить, что основное разделение бурятского населения на добайкальскую и забайкальскую группу оказывается здесь, пожалуй, рече всего. В то время, как добайкальские буряты приняли русскую письменность и учились в русских школах, забайкальцы, ориентируясь на монгольское культурное влияние, применяли монгольскую письменность, участь, главным образом, у лам. Все исследователи единодушно отмечают как общую тягу бурят к просвещению, так и исключительно высокую восприимчивость их. По общим отзывам буряты-школьники опережали в школах русских, несмотря на то, что учились на чужом для них языке. Буряты, кажется, единственная из сибирских народностей давшая целый ряд лиц, получивших среднее образование и даже окончивших высшие учебные заведения. Несмотря, однако, на все эти исключительно благоприятные условия, постановка народного образования в царской России была такова, что общая грамотность добайкальских бурятов составляла всего лишь 5,2%. В Забайлье этот процент повышался до 8,4%, при чем здесь, как мы уже говорили, грамотность была преимущественно на монгольском языке. Отметим еще, что женское образование стояло еще ниже (относительно выше у добайкальских бурят). Так число грамотных женщин у добайкальских бурят составляло менее $\frac{1}{10}$, а у забайкальских бурят даже менее $\frac{1}{25}$ числа грамотных мужчин.

Итак, какова же общая обстановка, в которой жила дореволюционная бурятка?—По горным долинам или степным равнинам, по берегам рек и озер, окруженные могучими таежными лесами, вкрапленные отдельными, более или менее мелкими группами среди русских поселенцев или оттесненные в наиболее неудобные местности, беспорядочными скоплениями обособляющих усадеб раскинулись бурятские улусы. Подорванное русскими завоевателями экономическое состояние, хозяйство, частично земледельческого типа, частью еще несущее черты промежуточного периода, тяжелого и трудного перехода от скотоводческо-кочевого к земледельчески-оседлому быту, и наконец, просто скотоводческого характера,—в условиях тягостной эксплуатации со стороны откровенно-хищнической администрации и не менее хищного торгового капитала, в лице русского купца или кулака,—таково экономическое положение бурят, из года в годклонившееся к упадку. Остатки родового быта опутывали всю систему общественных отношений рядом уродливых обычаев и традиций. Домашний уклад жизни, возлагавший на бурятку часть работы по хозяйству и весь изнурительный труд по уходу за домом и детьми в условиях ужасающей грязи и нечистоплотности,—такова непосредственная окружающая бурятку обстановка. Почти совершенно закрытый перед ней путь к просвещению оставлял возможность развития исключительно религиозных форм сознания, загружая последнее уродливыми представлениями, страхами и суевериями, и не давая бурятке никаких перспектив к изменению своего положения.

2. Дореволюционная бурятка

Важнейшим фактором, крайне неблагоприятно отражавшимся на положении женщины и, пожалуй, в основном определявшим ее закабаление, являлись пережитки родового быта, сложившиеся в такую систему общественных взглядов, которая оценивала женщину, как низшее, по сравнению с мужчиной, существо, созданное для удовлетворения его половых потребностей,—во-первых, деторождения,—во-вторых, и работы,—в третьих. Это можно иллюстрировать целым рядом обычаев и традиций. Обычная для женщины Востока купля-продажа женщины в замужество за «калым» (выкуп), который выплачивается родителям девушки, у бурят представляет почти единственную форму брака. Понятно, что в основе этого брачного порядка должен был лежать и лежал взгляд на женщину, как на товар. О том, что при этом учитывалась не только красота, молодость и другие «женские достоинства» товара, а, пожалуй, еще в большей степени ее качества работницы, свидетельствует следующий факт. У бурятов далеко не редкостью является женитьба молодого сына, даже мальчика 10—14 лет на взрослой девушке. Ясно, что побудительной причиной такого брака является желание приобрести в хозяйстве рабочую силу. Вероятно это же основание, т.-е. желание иметь в доме лишнюю бесплатную работницу, являлось одной из причин многоженства, ранее довольно распространенного у бурят, хотя и изживаемого за последнее время. Ниже мы приведем целый ряд фактов, более детально и наглядно характеризующих этот взгляд на женщину, как на низшее существо, созданное для мужчины и для работы на него. Сейчас же

отметим только два важнейших для общественного положения женщины следствия из этих представлений. Это, во-первых, почти полное изолирование дореволюционной бурятки от общественной жизни, в том числе и от участия на так называемых «сугланах», общественных сходках. Изредка только, когда какое-нибудь хозяйство почему либо не имело возможности послать от себя мужчину на собрание, разбирающее какие-нибудь не значительные местные вопросы (малый суглан), туда шла женщина. Но этим и ограничивалось ее участие в общественных делах, при чем она, конечно, только присутствовала на собрании, обычно не решаясь на активные выступления. Во-вторых, бурятка была почти совершенно лишена имущественных прав. Отданная, а вернее, проданная замуж, бурятка лишалась прав на наследство после смерти родителей. В хозяйстве же мужа все имущество, в том числе и принесенное ею в качестве приданого, принадлежало ему. Понятно, что эта экономическая необеспеченность женщины была естественна при тех взглядах на нее, которые сложились в бурятском общественном мнении. Представляя собою товар, бурятка не могла претендовать, да и не претендовала, на экономическую самостоятельность.

Последнее, что надо выделить в этой общей схеме общественного положения женщины, это отсутствие прав женщины на развод, очень легкий в то же время для мужчины. Последнему достаточно возвратить приданое и отправить жену к родителям,—и он становится свободен от всяких обязанностей по отношению к ней.

Вся эта система общественных взглядов на женщину, конечно, всецело поддерживалась религиозными представлениями, об'являвшими, на-

пример, женщину в известные периоды (роды, месячные очищения) «нечистой», не допускавшими ее (у ламаитов) к занятию жреческих должностей (женщина не могла стать ламой) и всячески воспитывавшими в ней покорность и послушание воле мужчины.

В полном соответствии с общественными традициями и общим экономическим положением бурятского хозяйства, складывается и положение женщины в хозяйственном быту. Бурятка—главная рабочая сила семьи. Не говоря уже о том, что вся работа по дому лежала на ее руках, наиболее грязный и тяжелый труд также приходился на ее долю, так как бурят, несмотря на всю свою нечистоплотность, крайне неохотно принимается за работу, сопряженную с возней в грязи и с пачкотней, в большинстве случаев перекладывая ее на женские руки. Кроме того у бурят, занимающихся земледелием, очень часто можно встретить женщину, выполняющую земледельческие работы. В итоге трудовой день бурятки, отличаясь исключительной продолжительностью, не оставляет ей почти совершенно свободного времени ни для личной, ни для общественной жизни; разве изредка, урывками, она обменяется с соседкой, зашедшей на минуту, несколькими словами или сама забежит к ней сообщить какую-нибудь интересную новость. Все время она загружена бесперерывной работой, не получающей к тому же никакого поощрения. Наоборот, в быту ей принадлежит очень скромное место, и оценка, которую получает ее работа, носит презрительный или полупрезрительный характер. Очень часто она ест после мужчины и, конечно, худшие остатки. Она не имеет права вмешиваться в разговор и должна молчать в присутствии мужа. Бытовая традиция требует от нее

безмолвного и покорного исполнения работы и взваливает на ее плечи груз такого зачастую непосильного труда, который медленно, но верно истощает силы и приводит к преждевременной смерти.

В последнем отношении особенно интересны сравнительные цифры женской и мужской групп бурятского населения. Здесь прежде всего надо отметить преобладание мужского населения над женским: так, по данным 1917 года, на 1000 мужчин—бурят приходилось у добайкальских бурят—865, а у забайкальских бурят 978 женщин. Если взять соотношение между типичными возрастными группами, то причины этого преобладания скажутся с очевидной ясностью. В детском и юношеском возрасте, по материалам переписи 1897 г., обработанным Серебренниковым, женщины составляют относительно большую часть группы (примерное отношение дает 21 женщину на 20 мужчин). В возрасте же от 20 до 60 лет это отношение изменяется в сторону преобладания мужской части населения (примерно 49—50 мужчин на 47 женщин). Эти простые цифры убедительны в том отношении, что отмечают повышенную женскую смертность после выхода замуж. Объяснение этого последнего факта лежит, конечно, в тех условиях бытовой обстановки, которые мы в самих общих чертах обрисовали выше и которые мы попытаемся характеризовать более наглядным и детальным образом, прослеживая в дальнейшем картину жизни бурятки.

У бурята родилась дочь. Это является, конечно, большим событием в семейном быту, и ознаменовывается семейным праздником, выражющим радость семьи по поводу появления нового члена. Все же рождение дочери, а не сына, вносит некоторое

разочарование, и празднование получает более скромный характер. Да это и понятно. При тех взглядах, которые существуют у бурят на женщину, при том полупрезрительном отношении, которое она находит,—вряд ли стоит особенно расходоваться на будущую «бабу». Впрочем «девочка вырастет—будет работница в семье», да и перспектива получения в будущем «калмы» помогает родителям быстро изжить первое разочарование. Как бы там ни было, делается все, что требует традиция и быт. Через несколько дней после рождения ребенка, после легкого обмывания, помещают в покатую люльку, застланную всяким тряпьем, совершаются при участии ламы особый обряд омовения, на котором новорожденному дается имя. Характерная деталь—у бурят нет отдельных женских имен, и они получают измененное мужское имя (так например мужское имя Цырен изменяется в женское Цыренжит, Доржи в Доржит и т. п.).

У добайкальских бурят (шаманистов) моление над новорожденным совершают шаманы, при чем очень часто веники, которыми они окропляют младенца, хранятся как талисманы у входа в юрту до тех пор, пока ребенок не станет взрослым. Иногда у более зажиточных или при слабом здоровье новорожденного, шаману заказывается особое моление, после которого он дает родителям и особый талисман (колокольчики, обвшанные лентами), специально предназначенный для охраны жизни младенца и щедро оплачиваемый, когда ребенок вырастает здоровым. Вообще же нужно отметить, что забота о ребенке имеет чрезвычайно усиленный, хотя и своеобразный характер. Так посторонние не допускаются в юрту, где имеется новорожденный до $\frac{1}{2}$ года, а иногда даже до 1 года. Для этого у входа в нее устанавливаются

березки (священное дерево у бурят-шаманистов), от которых к стене протягивается нитка или лента. Это знак, что посторонним вход запрещается.

Итак, рождение ребенка, в том числе и девочки, отмечается особым празднованием и получает характер семейного события. Это станет еще более очевидным, если отметить, что бесплодие является для бурятки одним из наиболее тяжких грехов (более тяжким, чем супружеская неверность) и является вполне уважительной причиной к разводу. Тем не менее уход за младенцем оставляет желать лучшего. Само собой разумеется, что заботы о ребенке полностью ложатся на мать, которая в силу крайней занятости по хозяйству и обилию работы может уделять этому только отдельные минуты. Собственно кормлением, которое, надо отметить, продолжается у бурят относительно долго, и ограничиваются заботы о ребенке. В продолжении нескольких месяцев он не покидает люльки, при чем тряпье, служащее ему и подстилкой и одеялом, очень редко меняется. Мытья он не знает вовсе: изредка разве мать смажет ему тельце каким нибудь жиром, что иногда заменяет у бурят умыванье. Таким образом, ребенок предоставлен самому себе. Он может кричать от холода, дыма, который ест глаза, или укусов паразитов—мать подойдет только тогда, когда крик очень усиливается; обычно перегруженная работой, не успевая оторваться от массы хозяйственных забот, она не обращает на это внимания.

Но вот ребенок подрос. Он уже ползает по полу, часто в компании с телятами и ягнятами, вместе с ними приучаясь ценить тепло очага и подбирая на полу крошки. При том крайне антисанитарном содержании жилища, которое отличает бурят, и отсутствии минимального надзора за ре-

бенком,—неудивительны и частые эпидемии и отдельные болезни, вызывающие высокий процент смертности среди бурятских детей.

Очень рано, и во всяком случае, едва у ребенка развивается сознание, сказывается у девочки её женское неравноправие. Хорошо еще, если в семье один ребенок. На нем сосредотачиваются тогда те крохи родительских забот, которые может уделить ему мать. Но если, к несчастью, у нее есть братья или, что еще хуже, один из этих братьев предназначен к ламской «карьере», ее положение резко изменяется к худшему. В этом последнем случае на будущего ламу, занимающего тогда явно привилегированное положение любимца семьи, изливаются весь запас родительской любви и заботы, а на долю остальных, в особенности девочек, не достается ничего. Ему достается лучший кусок, его одевают несравненно тщательнее других, в детских ссорах он всегда остается прав. Остальные предоставлены сами себе или младшие старшим, при чем мальчик уже с этих пор приучается презрительно относится к девочке, нередко награждая сестру вместе с обидными словами и пинками. Надо все же сказать, что этот детский возраст продолжается недолго. Едва только окрепнут детские силенки, нередко 5—6 лет, ребенок уже начинает втягиваться в трудовую жизнь семьи. Девочка загружается работой по дому. В то время как мальчик, также рано приучаемый к мужским занятиям (пастыба скота, земледельческие работы), находится на открытом воздухе, девочка прикована к удушиловой атмосфере юрты, помогая матери готовить пищу, убирать дом, нянчить детей, шить, прядь, ухаживать за скотом, в том числе и доить корову. Чем старше она становится, тем больше работы перепадает на ее долю, и тем

рёзчё вместе с тём начинает оттеняться ее беспространная женская доля. Не говоря уже об обидных словах или брани, которой она наделяется, как «баба», наблюдения, которые ее детский ум делает и в семье и у соседей,—все приучает ее к сознанию, что она существо низшее, пожалуй, только терпимое. Брат с презрительным высокомерием оценивает ее «бабские занятия» (нельзя бурятского мальчика обидеть сильнее, чем если навязать ему «женскую» работу). Дома, у соседей—везде она встречается с этой резко проводимой линией превознесения мужских прав и мужского достоинства.

В этой обстановке, перегруженная работой, почти не оставляющей времени для игр, бурятская девочка растет, переформируясь в девушку. Чрезвычайно быстро созревая физически, она постепенно превращается в невесту, т.-е. очень ценный на общественном рынке товар, и начинает привлекать покупателей. Отметим здесь, что у бурят очень сильны добрачные связи. Объяснение широкого развития этих связей лежит, во-первых, в пережитках родовой психологии, когда-то расценившей женщину, как общее достояние рода: во всяком случае, характерно почти полное незнакомство бурят с теми формами ревности, которые развиваются при наших брачных отношениях. Во-вторых,—и это, конечно, не менее важно,—при том характере торговой сделки, которую носит бурятский брак, естественно, нет места чувствам личной симпатии, любви. Последние находят себе место, по преимуществу во внебрачных связях, очень часто завязываемых с девушками и до их выхода замуж. Мы уже упоминали о вечеринках, устраиваемых бурятской молодежью после тайлаганов, а иногда и помимо их. Нося характерное местное наимено-

вание «игрушки», эти вечеринки очень часто превращаются в своеобразные «ночи любви», на которых внебрачные связи обычно и завязываются. Как бы то ни было, очень легко расценивая внебрачные связи, бурятское общество смотрит сквозь пальцы не только на «супружескую неверность», но и на добрачное сожительство девушки, особенно, если уже состоялось соглашение о браке и калым выплачен, но девушка еще живет у родителей. В случаях, когда это сожительство приводит к деторождению, ребенок охотно принимается в семью: бурятский быт почти совершенно не знает, поэому, практики абортов или детоубийств, руководствуясь в этом отношении уже отмеченной нами системой взглядов, по которым бесплодие есть гораздо больший грех, нежели внебрачная связь.

Раннему физическому сближению полов соответствуют и ранние браки. Очень часто встречаются браки в 14—15 лет, и даже раньше. Посколько девушка развилаась и стала сильной и здоровой работницей, она может рассчитывать на мужа-покупателя, несмотря на очень высокие относительно размеры калыма. Последний, уплачиваясь обыкновенно скотом, достигал цифры свыше ста голов, очень редко и только у бедняков опускаясь ниже 20. Именно высокими размерами калыма следуют об'яснять относительно большое число холостяков среди бедных бурят. Чтобы как-нибудь избежать этого невольного безбрачия был установлен еще один род браков, по преимуществу имеющий место среди малоимущих групп населения. Называясь «адляй» (смена), этот обычай заключается в том, что два бурята, из которых каждый имеет и сына и дочь, заключают договор, по которому они отдают дочерей в жены сыновьям друг друга, при чем условие это часто заключает-

ся еще в младенческом возрасте детей. В сущности этот обычай не нарушает в принципе практики калыма и может быть рассматриваем, как простое устранение формальностей по уплате калыма. Помимо «адляя» практикуется отдача замуж дочерей за работников, принимаемых в дом. В этом случае жених, так сказать, уплачивает калым трудом. Таким образом, как правило, калым является обязательным при вступлении в брак, и заключать последний без калыма считается у бурят позорным. Все же даже в последние до революции годы калым, в условиях неблагоприятного экономического положения бурят, являлся настолько разорительным для большинства населения, что начали складываться особые договоры, предусматривающие длительную рассрочку калыма и настолько оттягивавшие уплату, что калым получал иногда только условное значение. В то же время сильное распространение имело «умыкание», воровство женщин.

Как бы то ни было, купля-продажа невесты, имея первенствующее значение при заключении брака, в достаточной мере характеризует и характер брака и положение женщины у бурят. Торговая сделка, имеющая целью, главным образом, приобретение работницы — вот смысл бурятского брака. В этом отношении интересны и характерны свадебные обряды, охватывающие не только церемонию брака, но и церемонию сватанья, получающего значение длительного торга. Не останавливаясь на описании обрядов, отметим лишь, что день приемки калыма празднуется иногда более торжественно, чем самая свадьба. В соответствии с этим и прием сватов, официальных посредников в торге о размерах калыма, сопровождается обычно обильным угощением. Таким

образом, даже свадебные обряды символизируют преимущественно хозяйственное значение брака. Точно также некоторые свадебные обряды подчеркивают и закрепощение женщины, ее переход в собственность мужа. Так, например, когда невесту везут на свадьбу, ее укрывают с головой, чтобы она «не видя дороги, не могла вернуться домой».

После свадьбы положение новобрачной резко изменяется. Если и раньше, в своей родной семье, она была одной из главных работниц, то теперь, в семье мужа, принимающей ее, как чужеродку, все стремятся взвалить на ее руки почти всю и, во всяком случае, самую тяжелую работу. Кроме того, окружающая обстановка и отношения стремятся закрепить в ней заложенные воспитанием чувства бессловного подчинения и рабской покорности не только воле мужа, но и воле старших членов его семьи, в особенности же мужчин. В силу всего сказанного, она попадает, буквально, в положение рабочего скота, проводящего все время в безответном труде. Вставая раньше всех и ложась позже всех, она выполняет всю работу по дому, готовя пищу, убирая, просиживая с иголкой до поздней ночи в удушливой дымной атмосфере юрты. Среди этих домашних работ надо особенно выделить выгонку тарасун, этого поистине, злого духа бурятского быта. По словам одного из наблюдателей, и в «летнюю жару и в зимнюю стужу молодые женщины выгоняют тарасун при самых отвратительных антигигиенических условиях: дыша запахом винных паров и зловонием гниющей воды хибера, нередко получая простуду и т. п.». Если принять во внимание обилие тайлантов, на которых тарасун поглощается в громадных количествах, и частый у бурят прием

гостей, обязательно сопровождающийся угождением,—то об'ем работы по изготовлению тарасуна станет очевидным. Еще хуже,—и, это случается очень нередко,—когда в семье заводится свой домашний алкоголик, муж или отец мужа, который, женившись сына, очень часто предается беспробудному пьянству, мотивируя это тем, что «он молодой работал, воспитал детей, женил, нажил хозяйство или поддержал отцовское, а теперь остается пить, гулять и чашки собирать». Но и помимо работ по дому, к которым вскоре присоединяется забота о детях, рожденных в обстановке почти непрекращающегося даже на время родов труда,—молодая замужняя бурятка привлекается и к другим работам по хозяйству: она ухаживает за скотом, доит коров, собирает дрова и выполняет целый ряд земледельческих работ, молотит, веет, жнет и косит.

Беспрерывному и беспросветному труду бурятской женщины ни в какой степени не отвечает положение, которое она занимает в семье, и оценка, которую этот труд получает в семейном быту. Наоборот, обязанная беспрекословным подчинением и полурабским почтением не только мужу, но и его старшим родственникам, которым она в первые же дни делает «невесткино поклонение»,—она получает в награду за послушание и труд иногда окрик или ругательство, и всегда снисходительное, полупрезрительное отношение. Она не смеет вмешиваться в разговор старших, хотя должна почтительно выслушивать их наставления. Она ест об'едки и часто лишь после того, как насытятся мужчины. Вообще во всякого рода бытовых мелочах постоянно подчеркивается ее прииженнность, ее подчиненное положение и отсутствие прав, хотя бы в незначительной степени со-

ответствующих ее действительной роли главной работницы в семье. Но мало этого. Женщина, по представлению бурят, существование нечистое. Она, обычно, не допускается на религиозные жертвоприношения у шаманистов, не может быть ламой у забайкальских бурят. Особенно резко представление о «нечистоте» женщины сказывается для известных периодов, связанных с ее половой жизнью и с деторождением. Так, бурятка считается нечистой во время месячных очищений, которые и носят характерное наименование «салайн сар», что значит «месячный грех». В это время она не имеет права входить в юрту родственников мужа, которым она сделала «невесткино поклонение». Точно также «нечиста» бурятка и во время беременности и, особенно, родов. В этом отношении характерен описываемый ниже процесс деторождения и специальный обряд очищения,—правда, до известной степени изжитый уже предреволюционным бытом и сохранившийся лишь в самых глухих улусах, но в высшей степени показательный для оценки прежнего быта, до самого последнего времени сохраняющего влияние в бурятской действительности.

При приближении времени родов, бурятка шьет для себя панталоны из грубой материи и войлочный мешочек. Последние предметы она хранит тайно, чтобы никто их не увидел. Когда наступают предродовые схватки, в юрту, помимо бабки собирается возможно большое количество людей, особенно замужние подруги роженицы. После приготовления к родам, заключающимся в том, что пол устилают мягким пометом или кошмой и ставят около этого места деревянный ящик, о который роженица должна опираться при родах,—роженица переодевается в самую скверную одежду, которая

должна быть сожжена во время особого обряда «очищения». Роды происходят следующим образом: роженица становится на колени и, облокотившись грудью на ящик, ждет появления ребенка, который должен упасть на подстилку. После появления ребенка, которого принимает бабка, роженица остается в том же положении до тех пор, пока не освободится от последа, который она, в большинстве случаев, убирает сама вместе с подстилкой в мешочек. После этого она ложится на особом ложе: на свою кровать она лечь не может, так как до обряда «очищения» считается «нечистой» и оскверняющей все своим прикосновением. Поэтому же она не может, например, касаться очага, брать в руки посуду и т. п. предметы.

На третий день после родов, совершается обряд «очищения». На месте родов, а иногда, особенно в теплое время года, на открытом воздухе, выкапывают яму, на дно которой кладут различные предметы—кончик бараньего курдюка, шелковый лоскут, мелкие монеты, кораллы, баранью лодыжку, кучки травы, шерсти и «нечистые» вещи, употреблявшиеся роженицей (вилку, зубочистку, волосы, вычесанные за этот период и т. д.). Поверх всего укладывается мешочек с последом и подстилкой, накопившийся за три дня кал новорожденного. После этого яму зарывают и уравнивают, а из юрты выметают сор, вытряхивают пыль, обметают все вещи, вообще производят общую уборку. Когда все эти приготовления сделаны, принимавшая ребенка бабка обмывает его над ямой теплой водой. Затем на горячие уголья кладут особые благоухающие травы, в дыму которых совершается «очищение» последовательно окуряемых предметов. Собственно все эти операции носят подготовительный характер, а самый обряд «очищения»

заключается в том, что молодые замужние женщины, соседки роженицы, вместе с ней, если она к этому времени достаточно окрепнет, рассаживаются вокруг зарытой ямы, на месте которой устраивается миниатюрный шалашик из сухих березовых или сосновых палочек, покрываемых бараньим сальником и обвязанных наверху красной шелковой ниткой. Женщины, набирая в рот топленое масло, брызгают им в предварительно зажженый шалашик, который быстро сгорает. Участницы обряда берут затем заранее приготовленные тарелки и особое ведерце с угощением, троекратно проводят ими по воздуху над местом «очищения» и поочередно отведывают с них. Заканчивается обряд, считающийся между прочим способствующим деторождению и особенно рекомендуемый, поэтому, бездетным женщинам, троекратным поклоном со стороны участниц месту обряда и троекратным обхождением его вокруг. После обряда гостям предлагается обычное угощение, а гости одаривают ребенка мелкими монетами, которые хранятся матерью, как собственность ребенка.

Только после этого обряда роженица считается «очистившейся» и получает право вести нормальную жизнь, хотя все же еще в течение целого месяца не имеет права входить в юрту родителей мужа.

Как мы отмечали выше, описанный обряд уже в дореволюционной Бурятии не предоставлял повсеместно распространенного обычая, сохраняясь лишь в очень глухих улусах и являясь до известной степени пережитком уже отживающего быта. Тем не менее характеризуя старинные взгляды, частично сохранившиеся по всей республике, он необычайно ярко иллюстрирует взгляды на «нечистоту» женщины, а в связи с этим и общест-

венную атмосферу, в которой подобные представления складывались. Неудивительно, поэтому, и совершенное почти изолирование бурятки от общественной жизни. Не говоря уже о том, что она совершенно была лишена какого то ни было права на участие в общественном самоуправлении, даже присутствие женщин на общественных празднествах допускалось очень редко. Целый ряд тайлаганов был предназначаем исключительно для мужской части населения. Точно также было сильно ограничено даже участие женщины в религиозных общественных обрядах, при чем у бурят шаманисты, например, присутствие женщины на общественных жертвоприношениях не допускалось вовсе.

Таким образом, общественное положение женщины вполне соответствовало ее месту в семейной обстановке, отягченной к тому же непрерывным, почти каторжным трудом. Если же, к несчастью, эта общая обстановка осложнялась какими-нибудь особо неблагоприятными условиями, положение бурятки становилось нестерпимым.

У бурят допускается многоженство. Хотя практически, в виду высоких размеров калыма, оно имеет небольшое распространение, но все же наблюдаются случаи, когда бурят имеет две или даже больше жен. Помимо желания получить лишнюю работницу в хозяйство, побудительной причиной для взятия в дом второй жены очень часто является бездетность первой. Как бы там ни было, положение второй жены, конечно, сильно ухудшает жизнь бурятки, осложняя ее семейными ссорами, дрязгами, иногда подчинением более любимой жене, вымешивающей на ней свои собственные обиды и сваливающей не нее большую часть работы.

Точно также в сильнейшей степени влияет на положение той или иной женщины экономическое

положение семьи. При довольно сильном экономическом расслоении бурят с наличием крепких, кулацкого типа хозяйств на одном конце и значительно большего, конечно, числа бедняцких хозяйств на другом,—существует большая разница и в положении женских элементов этих хозяйств. В то время, как жена зажиточного бурята не так загружена работой, которую—и во всяком случае самую тяжелую и неприятную—она перекладывает на наемных батраков, жена бедняка попадает в ужасающие условия, зачастую вынужденная не только нести всю работу у себя дома, но и батрачить, вынося на себе двойной гнет, хозяина и мужа. Особые условия жизни создаются и у бурятки-кочевницы, всю жизнь проводящей в непрерывной смене жилья и не могущей обзавестись хотя бы теми зачаточными формами домашнего уюта, которые имеются у оседлых бурят.

Наконец, существует и еще один род отличий, резко влияющих на положение бурятки. Это—невыход замуж, правда, встречающийся очень редко, почти в единичных случаях. И надо сказать, как ни тяжело положение замужней женщины, выносящей всестороннюю эксплуатацию с стороны чужой семьи, в которую она вступает с замужеством—положение бурятки, не вышедшей замуж вовсе и остающейся в родной семье, во много раз печальнее. Прежде всего, семья, лишаясь калыма, старается возместить его максимальным использованием ее рабочей силы, нагружая ее совершенно непомерным и изнурительным трудом. Одновременно общее презрение и насмешки родных создают для нее совершенно невыносимую обстановку в семье, где она становится постепенно самым презренным и ничтожным членом, обязанным безгласно и безропотно выполнять все работы,

которые на нее сваливают, совершенно не считаясь с ее физическими силами. Смерть отца не избавляет ее от этого беспроблемного рабства. Она поступает тогда в распоряжение брата, дяди или какого-нибудь другого родственника, ибо самостоятельное экономическое существование женщины настолько чуждо общественному сознанию дореволюционного бурятского быта, что в психологию женщины не проникало даже представление о возможности такого рода существования: она просто не понимала, как может женщина обходиться без помощи, руководства и указаний со стороны мужчин. В подобное же положение попадали и бурятки, которым муж давал развод и которых отправлял к родным, особенно в случаях, сопряженных с возвратом калмыка. И надо отметить, что положение такой разведенной бурятки в семье и обществе становилось настолько тягостным, что многие буряты, «во избежание позора выгнанной жены, отпускают ее или расходятся как бы потому, что она или бесплодна или больна». Во всяком случае, бурятка предпочитает даже положение второй, нелюбимой жены — разводу.

Некоторое, хотя и очень, конечно, незначительное, улучшение бытовых условий приходит для бурятки только по прошествии многих лет замужества, уже почти к старости, когда в семье появляются новые работницы, дочери или невестки, на долю которых приходится большая часть работ. Она может немного отдохнуть, хотя мелкие и не очень тяжелые работы, главным образом, уход за детьми, и тогда лежат на ее руках. Полное отсутствие каких бы то ни было общественных интересов и вся ее трудовая жизнь, развивавшаяся исключительно в пределах забот в юрте, до-

машнем хозяйстве и детях, — делает эту старость крайне убогой и жалкой, наполняя ее семейными ссорами и дрязгами. У забайкальских буряток, под влиянием лам, зачастую к старости развивается религиозное ханжество, выражющееся в форме поступления в «шабаганцы» (монахини). При посвящении бурятки (вдовы и замужние 50-60 лет) сбирают волосы и надевают через плечо темно-красный шарф. Занятия их заключаются, главным образом, в посещении дацанов, беседах с ламами, выставлении церковных служб, постах и молитвах. Несмотря на свою повышенную, часто фанатическую религиозность, усиленно поощляемую, конечно, ламами, «шабаганцы» не пользуются особым уважением среди населения, вероятно, в силу тех же причин, которые заставляют бурята вообще относиться к женщине со снисходительным презрением.

3. Бурятия после Октябрьской революции

Октябрьская революция, провозгласившая принципы национального раскрепощения всех народностей союза, естественно, вызвала в крае сильное движение. Сначала это движение в силу реакции на политику национального угнетения, десятками лет осуществлявшуюся царской Россией, получило, главным образом, характер узко-национального движения, руководившегося по преимуществу бурятской, националистически настроенной интеллигенцией. Чрезвычайная отдаленность от основных революционных центров и вся обстановка первых лет революции в сильнейшей степени парализовали возможность сразу и немедленно приняться за социальные преобразования, тем более, что край скоро захлестнула волна колчаковского контр-

революционного движения. Собственно, только с занятием Сибири Красной армией, и с очищением территории республики от остатков колчаковских войск, а особенно от банд атамана Семенова и барона Унгерна,—Октябрьская революция вплотную приступила к задачам переустройства края на новых началах. Лишь в декабре 1919 года немногочисленная группа бурято-монгольских коммунистов развернула работу по организации советского аппарата, встретив широкую поддержку со стороны масс, перенесших ужасы колчаковского режима и на собственном опыте убедившихся в его «прелестях». 9 января 1922 г. была образована Монголо-Бурятская автономная область, 4 июня 1923 г. она была об'единена с Бурято-Монгольской областью ДВР в одну Бурято-Монгольскую АССР. Советская власть, в первую очередь занявшаяся залечиванием ран, нанесенных стране белогвардейцами, уже с самого начала поставила в центре своего внимания и задачу искоренения национального неравноправия, и в частности национального угнетения бурят, которое неустанно на протяжении столетий осуществляла царская Россия. Таким образом, помимо восстановления предприятий, налаживания железнодорожного, грунтового и водного транспорта, и вообще всестороннего развития экономического хозяйства края,— одним из первых мероприятий советской Бурятии явилось перераспределение землепользования и организация землеустройства на новых началах, в корне пресекающих прежнее хищническое оттеснение бурят на наиболее неудобные места и развитие кулацких элементов населения. Не менее важной для рядового бурятского хозяйства является, конечно, и беспрерывно продолжающаяся работа по качественному улучшению бу-

рятского хозяйства. Широкий размах мелиоративных работ по сельскому хозяйству, в частности получивший наибольшее применение в деле улучшения скотоводства, уже сейчас дает свои плоды, обеспечивая за бурятским хозяйством основные экономические позиции и открывая перспективы дальнейшего роста его экономической мощи. Наконец, третьим моментом, определяющим новые экономические пути края, является уничтожение той системы хищнического товарооборота, который практиковался здесь до революции и являлся одной из самых тяжелых язв страны, перекачивая значительную долю трудовой продукции бурятского хозяйства в жадные лапы кулацко-купеческих элементов. Во всяком случае, ведя неуклонную борьбу с кабальным и ростовщиками сделками, всячески развивая госторговлю и кооперацию, советская власть уже парализовала наиболее тяжелые проявления этой системы и установила основы нормального товарооборота.

Не менее значительны, конечно, и достижения советской власти в области общественно-политического переустройства края на октябрьских началах. Не говоря уже об основных законах, организующих общественное самоуправление, работу в области народного просвещения, здравоохранения и т. п., необходимо отметить, что широкая национальная автономия, пришедшая с Октябрем и открывающая необ'ятные перспективы для национальной самодеятельности, проходит при наличии особого внимания и всемерной поддержки именно бурятской части населения. В этом отношении интересны следующие цифры, характеризующие состояние народного просвещения в республике на 1926 г. Из 438 школ I ступени— 213 бурято-монгольских; из 12 школ II ступени— 7. Число бу-

рят-учащихся в I ступени составляет 39,6%, а во II ступени—33,3% общего числа учащихся. Эти цифры, еще не отвечающие, правда, соотношению между национальной численностью различных групп населения, тем не менее в высшей степени показательны при сравнении с дореволюционной статистикой народного просвещения. Если же к ним присоединить указание на беспрерывно растущую сеть народных домов, библиотек, ликпунктов, изб и юрт-читален, — то достижения советской власти в этой области станут перед нами во весь рост. Точно также непрерывно развивается сеть учреждений, обслуживающих народное здравоохранение. Вместо 2—3 больниц дореволюционного периода, 1927 год дает уже 20 больниц, 7 амбулаторий, 40 фельдшерских пунктов, 3 венер. диспансера и 1 туберкулезный.

Все эти единичные, отрывочные указания, конечно, не исчерпывают той работы, которая произведена и ведется в крае советской властью и советской общественностью. Нужда во всех решительно областях огромна. Нет средств и нет работников, а задачи, стоящие перед краем и в деле экономического развития, и в деле реорганизации общественной жизни, и в деле переустройства быта настолько разнообразны и велики, что лишь очень небольшая их часть может быть разрешена и даже намечена к разрешению в настоящий момент. Многие из указанных нами достижений носят единичный характер, и могут быть характеризованы, как начинания, для успешного разрешения которых потребуется еще много усилий и несравненно большая самодеятельность и инициатива населения, чем имеющаяся в наличии. На многих путях советской работы еще лежит, как тяжелая гиря, царское наследие, бытовые тради-

ции и привычки, пережитки старого строя и национальной вражды, взеленянной царской политической. Еще очень много усилий придется сделать, чтобы осуществить задачи подлинного экономического, общественно-политического и национального раскрепощения края, пока еще только ставшего на новую дорогу. Однако, то, что уже сделано, знаменует целый переворот в жизни страны; а самое направление и характер советской деятельности является твердой гарантией в том, что будущий экономический и культурно-общественный расцвет края обеспечен. И потому неуклонно растут прочные связи всей массы населения с советской властью, ее безусловное и безоговорочное принятие.

Политическим выражением этого последнего факта, помимо роста общественной активности бурятского населения, проявляющегося, напр., в участии на выборах, является еще и систематический рост коммунистической партии, и в частности ее бурятской части. Если к началу 1920 года имелась лишь небольшая группа бурят коммунистов, то численность коммунистической партии Бурятии с тех пор достигла 3708 чел. (2029 чл. и 1679 кандид.), из коих почти 25% составляют буряты (377 чл. и 522 кандид.). Интересен еще и факт большой активности коммунистов-бурят, характеризуемый хотя бы тем, что из числа 10 секретарей аймачных комитетов пятеро — буряты. Секретарем обкома партии в Бурятии уже несколько лет состоит женщина т. Сахьянова. Точно также в сильнейшей степени развились и комсомольские организации, насчитывавшие на 1 января 1927 г. 342 ячейки с 7.247 человек, в том числе почти 50% бурят. В заключение не можем не передать нескольких бурятских народных песен, в своеобразных формулах

передающих, как общее отношение народных масс к октябрьской революции, так в частности, и к Ленину.

Вот эти песни в переводе:

- I. Когда перестал итти мелкий дождик,
То легче стало птенчику жаворонка.
Когда установилась большевистская власть,
То бурятскому народу стало легче и лучше.
- II. Облегчившему участь саврасой лошади
Быстрому вагону—благодарность.
Облегчившему участь трудового народа
Коммунисту Ленину—благодарность.
- III. (На смерть Ленина).
Жалко, когда плавающая по морю лодка
Уносится течением.
Жалко, когда организовавший весь мир Ленин наш
Уносится смертью.

4. Бурятка при советской власти

Совершенно очевидно, что вся эта развертывающаяся и вширь и вглубь работа по экономическому под'ему и социально-общественной реорганизации края немыслима без предварительной перестройки отношений между мужской и женской частями населения. Бесправие и закрепощенность бурятки, о которой мы говорили во второй главе, лежат тяжелым грузом на новых путях, тормозя движение и препятствуя общему национально-общественному развитию края. Отсюда становится понятным необходимость особой работы по раскрепощению женщины, работы, к которой советская общественность приступила с первых минут своего существования.

Дело в том, что хотя общие установления советского строя и революционная законность декларировали полное равноправие между мужчиной и женщиной, осуществление его еще далеко не

может считаться достигнутым. Сотнями лет складывавшийся обычай и отношения, освещенные и закрепленные всей бытовой обстановкой, не могут быть уничтожены в порядке декрета. Необходима неустанная борьба за новый быт, для чего в свою очередь необходима подготовка людей, способных ее вести. А главным препятствием в процессе этой борьбы являются не столько враги, представляемые реакционными группами населения, сколько косность, многовековые привычки и темнота. Так как бурятка, в силу описанных выше причин, представляет собой особенно забитое, запуганное, безвольное и покорное существо, то необходимость усилий, имеющих целью прояснить ее сознание, приобщить ее к общественной жизни и пробудить женскую инициативу и самодеятельность в деле борьбы за полное раскрепощение,— становится совершенно очевидным.

Конечно, уже общие мероприятия советской власти, направленные к под'ему экономических сил, к народному просвещению и народному здравоохранению, к охране советской законности—в сильнейшей степени улучшают положение женщины. Экономическое укрепление хозяйства, ликвидация системы хищнического товарооборота,—отражаясь на повышении благосостояния семьи, естественно, облегчает и положение женщины, внося в ее быт соответственное улучшение. Законы, устанавливающие ее права на наследство, на выделение имущества или получение алиментов в случае развода—в ряде отдельных случаев дают выход из тупика, которого совершенно не знала дореволюционная бурятка. Точно также существенно отражаются на положении бурятки те общие мероприятия по культурно-просветительной работе или в области народного здравоохранения,

которые имеют своей целью интересы населения в целом. Но подчеркнем еще раз, что при том положении в семье и обществе, которое занимала бурятская женщина, пожалуй, не так важны сами права, сколько степень их осуществления. Очень часто, даже в настоящее время, бурятка, темная и невежественная, скованная бытовыми традициями, воспитанная в условиях рабского и беспротивного подчинения,—даже и не подымает голоса в защиту своих прав, даже не обращается за помощью в минуту нужды. Задача советской общественности, конечно, не только в том, чтобы провозгласить женское равноправие, но, главным образом, в том, чтобы пронести сознание этих прав в толщу населения, не только сказать, что женщина может делать, но и показать, как она это может. Вот в этой-то области, в области практического осуществления принципов женского равноправия, в деле подготовки женских масс к осознанию своих прав и возможностей лежит основная задача особой работы среди женщин. Работа эта, как везде в СССР, группируется, главным образом, вокруг местного женотдела и его аппарата.

Задача, стоящая перед работниками и работницами женотдела, тяжела. Прежде всего им приходится сталкиваться с сопротивлением или в лучшем случае, с полнейшим равнодушием общественного мнения, воспитанного на старых воззрениях на женщину, как на существо низшее, достойное только презрения. Насмешки и даже издевательство сопровождают иногда работу делегатских собраний. «Был случай в селе Кульске,—констатирует один из отчетов женотдела,—где во время выборного собрания делегаток (вечером) деревенская молодежь песнями и криками не давала вести

собрания и в довершение всего к концу собрания у дверей снаружи и у ворот протянули веревки, расставили телеги, и расходившиеся с собрания делегатки впопыхах падали, подымая крики. В числе деревенских хулиганов были и комсомольцы». Это последнее указание особенно характерно, ибо подчеркивает отсутствие серьезного отношения к делу работы среди женщин даже части передовой, партийной молодежи. Другой отчет отмечает, что в работу среди женщин не втянут ряд советских учреждений, а также некоторые низовые ячейки партии, предоставляющие, напр., в целом ряде случаев руководство делегатскими собраниями беспартийным учительницам. Если, таким образом, даже часть партийной массы равнодушно проходит мимо вопросов работы среди женщин, то что же сказать об остальной части населения, выросшего и воспитанного на привычке совершенно обесценивать общественное достоинство женщины. Ясно, что основная трудность работы, протекающей в такого рода общественной атмосфере, заключается в отсутствии тех общественных кадров, из которых можно было бы черпать новые силы для все усложняющейся и развивающейся работы. Вот почему одной из первых и основных задач женотдела явилась задача создания женского актива, главным образом, партийного. Об успехах этой работы подготовки соответствующего жен-партиактива, вовлекаемого в практическую работу среди женщин, говорит рост женщин коммунисток, достигший к 1926 году цифры 384 партиек и 199 комсомолок-активисток. Неуклонно продолжаясь (в 1927 г. партиек насчитывалось уже 490 чел.), этот рост гарантирует в будущем необходимый размах работы, которому будет под силу справиться с указанными выше пережиточными настроениями.

Основной формой работы, уже и сейчас ведущейся, конечно, среди женских масс населения Бурято-монгольской республики являются делегатские собрания. Их задачей является выявить наиболее передовых женщин (делегаток, избираемых самими женщинами) и, ведя среди них спе-

Рис. 2. Бурятка и камчадалка—студентки Института Севера в Ленинграде.

циальную агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительную работу, влиять через их посредство на всю толщу женского населения. Эта форма работы получила уже и всеобщее признание и почти всеобщее распространение среди буряток, обнаруживая тенденции к неуклонному росту. Если в 1925/26 г. было по всей Бурято-Монголии 2.295 делегаток, то в 1927 г. их число

достигает 3.240, в том числе 1.230 буряток. Интересно еще отметить факт постепенного повышения % делегаток, представляющих бедняцкую и батрацкую группы. Если в 1925 г. он давал 55%, то в 1927 г. составлял уже 78% всего числа делегаток. Если мы обратимся к отдельным районам, то увидим ту же картину. Так в 1925/26 г. в Баргузинском районе было 9 делегатских собраний с со 192 делегатками; 1926/27 год дает 12 делегатских собраний с 240 участницами (буряток почти 50%). По возрасту главная часть участниц падает на молодежь. Так в одном из делегатских собраний на 65 делегаток приходится 41 до двадцатилетнего возраста. Последнее находит себе простое объяснение. Именно женская молодежь, еще не успевшая впитать в себя «науку» безропотного и покорного подчинения мужской воле, еще не воинившаяся с психологией «рабыни», прежде всего чувствует, откуда дует свежий ветер и бросается навстречу новым возможностям, несущим освобождение от ненавистного ярма. Отметим еще, что делегатские собрания мало по малу начинают получать широкую популярность среди женского населения, и согласно отчета женотдела к нему поступают просьбы организовать делегатские собрания даже в самых глухих уголках.

Основными темами делегатских собраний являются вопросы культурно-просветительной работы, охраны материнства и младенчества, здравоохранения, в том числе и санитарного оздоровления быта, вопросы улучшения сельского хозяйства, а также вопросы советского и партийного строительства. Специфические условия бурятского быта заставляют зачастую выдвигать на первый план работу по оздоровлению жилищных условий, являющихся одним из главнейших препятствий в деле

раскрепощения бурятки. В самом деле, о каком обще-культурном под'еме может итти речь, если изба или юрта остаются в той хаотической грязи, о которой мы писали выше. Борьба с грязью и нечистоплотностью, неустанная агитация за мойку посуды, стирку белья, пользование баней, и далее, вообще за перестройку всего домашнего быта, в том числе и за введение улучшенных способов обработки земли или содержания скота,—вот наиболее, пожалуй, важный в настоящий момент и в настоящих условиях бурятской действительности участок борьбы за женское раскрепощение. Он становится особенно важным еще и потому, что здесь меньше всего можно считаться с сопротивлением мужской части населения, столько же, сколько и женская, заинтересованной в успехе борьбы. Характерно, что именно здесь разворачивается, однако, сопротивление наиболее реакционных групп населения, напр., забайкальских лам, прекрасно учитываяющих все значение работы на этом фронте.

Посмотрим теперь, каковы же практические результаты работы, которую произвели в Бурято-Монголии делегатские собрания. Прежде всего здесь надо отметить, что все достижения в области повышения общественно-политической активности женского населения надо, конечно, поставить в непосредственную связь с работой делегатских собраний. Если, например, в 1924 г. женщины составляли 5,7 % всех избирателей, а к 1927 г. этот процент вырос уже до 26,3%,—то это надо отнести, главным образом, за счет делегатских собраний. Общая же картина роста политической активности женского населения может быть иллюстрирована следующей таблицей, характеризующей участие женщин в избирательной кам-

пании за два смежных года—1925/26 и 1926/27 г.г. Вот она (в процентах к мужской группе).

	В 1925/26 г.	1926/27 г.
Участие в выборах в советы .	23%	26,3%
Избранных	14,4%	16%
Участие в волост. съездах .	11%	15,8%
Избранных в волсоветы . .	2,7%	6,4%
Участие в аймачных съездах .	11,3%	15,5%
Избранных в аймачн. советы .	—	11,3%
Участие в республик. съездах .	14,6%	14,2%
Избранных в Бур ЦИК . . .	4,4%	5,4%

По отдельным районам эта активность приобретает еще больший размер. Так, например, в Усть-Кяхте было избрано 7 женщин из общего числа в 18 членов совета, в том числе женщина заместителем председателя совета.

Крайне интересны, конечно, и достижения делегатских собраний в деле оздоровления быта и улучшения хозяйства, о которых мы говорили, характеризуя программу работ. Вот отдельные факты, довольно ярко иллюстрирующие процесс этого революционирования быта. «По инициативе делегаток открыли баню и теперь огромный спрос на баню у бурят» (Троицкосавск). «Открыли прачечную, одна делегатка работает заведующей прачечной» (Ага). «Делегатки постановили просить у земобщества земли для посева культур и выписали сепаратор. Земобщество землю отпустило, делегатки приступили к обработке» (Баргузин). «Делегатками была выделена молочная корова и установлен за ней правильный уход по указанию агронома. Решили делегатками организовать колхозный огород» (Бохан). В ряде этих и других районов по предложению делегаток были организованы птицеводческие и машинные товарищества,

кожевенная артель и т. п. Но особенно велика инициатива и активность делегаток в вопросе об организации детских яслей, площадок, и вообще мероприятий по охране материнства и младенчества, при чем средства зачастую образуются путем общественной подписки, устройства специальных спектаклей, посадки коллективных огородов и т. д. Отмечен также ряд случаев, когда бурячки-делегатки бросают изготовление тарасуна, этого бича женского населения, или даже выбрасывают из юрты предметы религиозного культа, что уже, конечно, является целой революцией в мировоззрении.

Работой делегатских собраний, однако, работа среди женщин далеко не исчерпывается. Помимо задачи создания и воспитания актива, женотдел ставит перед собой уже и сейчас задачи массовой работы среди женщин. Формами такой работы являются, не говоря уже о работе делегаток, отчитывающихся перед своими избирательницами, общие собрания и специальные кампании, проводимые в массовом масштабе. Общих собраний женщин за 8 месяцев 1926 г. (до сентября) по всей территории республики прошло 510, при чем отчеты женотдела констатируют особое оживление активности, наблюдавшееся после них. Обычно общие собрания проводятся в связи с какими-нибудь ударными кампаниями, например, кампании по борьбе с калымом и ранним замужеством, женским днем (8 марта), «Днем Урожая» и т. п. Общая посещаемость таких собраний чрезвычайно велика. Так, например, в Троицкосавском аймаке 50 собраниями, по 7 коммунам и волостям, было охвачено 2.400 женщин, в Бокане при 42 собраниях—1525 чел., и т. п. Помимо общих собраний ведутся разъяснительные беседы, происходящие

или в избах-читальнях во время особо устанавливаемых «дней крестьянок» или даже в отдельных «уголках крестьянки», организованных местами при избах-читальнях. На беседах обычно происходит читка специальных женских журналов («Крестьянка», «Красная сибирячка» и др.), при чем во многих местах при этих же уголках организуются кружки рукоделия, санпросвета, сельско-хозяйственный, кооперативный, селькорский или даже драматический и музыкальный. Эти опыты пользуются довольно большой популярностью: процент посещаемости равен 30-40%. Кроме всего указанного, практикуется созыв особых конференций, иногда сопровождаемых устройством сельскохозяйственных выставок. На конференцию, устроенную в Аларском хошуне ко «Дню урожая» и сопровожденную сельскохозяйственной выставкой, прибыло около 300 женщин хошуна, кроме делегаток, несмотря на неблагоприятную погоду и очень тяжелую вследствие этого дорогу. Особое оживление было отмечено местными работниками среди женщин после республиканского съезда женщин, вызвавшего усиленную подготовку и крайне активное обсуждение его решений на местах.

В 1926 г. была организована передвижная юрта, при которой были образованы кружок по ликвидации неграмотности, привлекший 22 участниц, кружок рукоделия (6 чел.) и драматический (10 чел.). Юртой были выделены три показательных помещения, в которых производилось мытье полов, стирка белья, купанье детей и т. д. Выезжая по отдельным улусам, юрта проводила ряд бесед, например, по вопросам санитарного просвещения, давались агрономические советы, устраивались спектакли и т. п. Успех был значителен (посети-

телей спектаклей было 70—150 чел.), и опыт оказался настолько удачным, что в 1927 г. работало уже 4 красных передвижных юрты, сильно расширивших свою работу. При них работают специальные кружки домоводства с показательно поставленным, напр., печением хлеба, (для чего устраиваются русские печи), обработкой молока при помощи сепаратора, кружками кройки и шитья. Еще больший размах принимает работа этого рода в «Доме бурятки», открытом в Агинском аймаке и владеющим, напр., шерсточесалкой, самопрялкой, швейной машиной и т. п. Производственный уклон, который получил этот род работы среди буряток, имеет чрезвычайно большой успех у женского населения и чреват, конечно, самыми широкими перспективами, обещая создать женщине в будущем самостоятельную экономическую базу, на основе которой должна расцвести и ее общественно-политическая деятельность. В этом отношении характерно, например, заведение коллективных женских огородов (например, в Алари, Эхирите, Булагате), маслодельных артелей (2 в 1927 г.), артелей по выделке кож (5), птицеводных товарищества и т. д. Послереволюционная бурятка ищет и находит уже экономическую базу, на которой, бесспорно будет легче вести борьбу за дальнейшее раскрепощение—таков основной вывод из этих фактов.

Мы уже говорили выше о чрезвычайно важном в условиях бурятского быта вопросе об охране материнства и младенчества. Насколько остро он обстоит в крае, можно судить хотя бы по тому, что делегатки, например, наиболее часто выдвигают этот вопрос, и что еще далеко не развязанная, местами еще почти пассивная, женская инициатива не только ставит, но и разрешает вопрос об

устройстве детских яслей, очень значительная часть которых (70% за 1927 г.) содержится за счет местных средств. Простая цифровая справка о росте числа детских яслей уже дает наглядное представление о необычайной жизненности этого начинания советской власти в крае. В 1924 году были 2 сельских яслей, в 1925—11, в 1926—19 и в 1927 уже 40. Рост родильных коек при больницах (в 1924—12, в 1925—42, 1926—45 и в 1927—69), организация консультаций по вопросам охраны материнства и младенчества (2 постоянных сельских и 4 при передвижных юртах—в 1927 г.), детских площадок (в 1927 г.—14, из них 10 на периферии), устройство полок матери и ребенка в кооперативах и мероприятия Наркомздрава в деле охраны материнства и младенчества уже дали свои результаты в смысле понижения смертности детей (22%), не говоря уже о том, что дают громадное облегчение матери, по истине задыхавшейся в условиях дореволюционного рождения и воспитания ребенка.

Не менее важны, конечно, и мероприятия, связанные с вопросами народного просвещения, только после революции и захватившего, можно сказать, женскую часть населения. Если и до настоящего времени грамотные бурятки составляют лишь 5% всего числа грамотных бурят, если дело с ликвидацией неграмотности и до настоящего времени обстоит очень скверно (в Баргузине, напр., из 145 женщин, обучавшихся при ликпунктах, окончило всего 91, в том числе 35 буряток), то 0% девочек в школах составляет уже $37,3\%$. Это последнее обстоятельство чрезвычайно важно в том отношении, что характеризует определенный бытовой перелом в сознании бурятского населения, ранее считавшего образование не только

ненужным, но даже, пожалуй, вредным для женщины.

Отметим еще и работу по вовлечению женщин в кооперацию, относительно, впрочем, развернутую очень слабо, хотя и обнаруживающую тенденцию к некоторому росту. Всего по данным на I/X-1925 г. в бурятской кооперации, было 26.980 пайщиков, в том числе 886 женщин (из числа последних 28% — буряток). На I/X-27 г. из 40.032 пайщиков было 2.664 женщины. В этих цифрах обращает на себя чрезвычайно низкий процент (3—7) участия женщин в кооперации (по данным Центросоюза средний процент участия женщин в кооперации по всему Союзу — 15-20). И хотя, как мы видим, имеется явственное стремление и к абсолютному росту числа пайщиков, все же роль женщины в кооперации должна быть признана слишком незначительной. Что же касается участия женщины в правлениях и ревизионных комиссиях кооперативов, то она выражается так: на I/X-1925 г. 2,1% правленческого состава и 5,1% состава ревизионных комиссий; на I/X-1926 г. этот процент соответственно повышается до 4,8 и 6%. Цифры, как видим, тоже недостаточные.

С 1926 г. при ЦИК'е Бурятско-Монгольской республики организовалась Комиссия по улучшению быта тружениц (КУБТ), состоящая из 3 секций: 1) охрана материнства и младенчества, 2) борьба с безработицей и проституцией, и 3) юридическая. Несмотря на краткий срок своего существования и тот факт, что аймачные комиссии КУБТ'а с'организовались лишь к осени, работа уже сейчас дала определенные результаты в смысле сильного расширения мероприятий по охране материнства и младенчества (цифры даны нами выше), организации ряда предприятий, работающих

по укреплению экономического положения женщины (курсы кройки и шитья в Баргузине, прачечная при Агинском батрачкоме и т. д.). По всей вероятности, в связи с деятельностью комиссии стоит и отмеченный нами факт повышения участия женщин в избирательной кампании (с 23 до 26%). Юридическая секция ведает охраной женских интересов в судах и помимо консультации берет на себя защиту отдельных женщин или участие в обвинении в тех процессах, которые имеют общественно-воспитательное значение. В последнем отношении интересна следующая справка о количестве и характере женских дел; за вторую половину 1926 г. из 702 женских дел 146 было о разводе, 193 об алиментах, 159 имущественных, 3 — о колыме и 201 — по частным жалобам. Эти цифры характеризуют определенное проникновение сознания своих прав в женскую группу населения. В условиях же бурятской действительности — это несомненная революция в быту.

Вся эта громадная работа, направленная к действительному раскрепощению женщины, имеет, конечно, много недочетов. Помимо недостатков и в области просвещения, и в области здравоохранения, и в деле укрепления экономического положения женщины, и в деле вовлечения женщины в кооперацию и профсоюзы (общее количество женщин-профсоюзниц 3.271 при 309 людях женского профсоюзного актива), и вообще общественную деятельность, недостатков, в значительной степени обясняемых крайней бедностью в средствах и работниках, — есть ряд областей, которые еще почти не затронуты ведущейся работой. В частности, нельзя не отметить совершенно ничтожного характера антирелигиозной пропаганды среди женщин, имеющей особое значение для за-

байкальской Бурятии. При тём влияний, которыми пользуются ламы, зачастую тормозящие работу во всех перечисленных направлениях, пользующиеся религиозным фанатизмом и пережитками национальной вражды для противодействия советской общественности и конкурирующие, например, в роли знахарей-целителей с врачами и больницей,— нельзя считать большим достижением единичные пока факты отказа со стороны некоторых женщин от религиозных суеверий. Борьба с ламами должна быть углублена и расширена, сопровождаясь усиленной антирелигиозной пропагандой. Точно также надо отметить, что многие из указанных нами явлений еще далеко не носят характер массовых, часто могут быть названы только симптоматическими. С другой стороны ряд районов, особенно в глухих и бездорожных местах, и отдельных улусов еще не испытали на себе благодетельных веяний новых достижений советской общественности. Женские массы в них еще крепко скованы бытовыми традициями и той ужасающей семейной обстановкой, о которой мы говорили во 2-й главе, и задыхаются под тяжестью невыносимых условий, созданных для женщины пережитками родового строя и отвратительной политикой царской администрации.

И все же, все шире и шире разливаются по просторам Бурятии новые идеи, все чаще пробивает себе дорогу новая женщина-общественница, все больше развивается женская инициатива, и недалек, будем надеяться, час, когда труженица-бурятка войдет полноправным членом в великую семью освобожденных женщин Союза. Задача экономического и социального развития края этого настоятельно требует.

— —

При составлении настоящей брошюры, помимо этнографических и статистико-экономических трудов по Бурято-Монголии, использованы: «Бурято-ведческий сборник» (I и II вып.), «Жизнь Бурятии», «Жизнь Национальностей», материалы, предоставленные Отделом Работниц и Крестьянок ЦК ВКП(б) и др.

перевод
1864 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

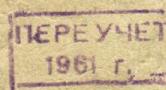
Стр

1. Общий очерк Бурято-Монгольской автономной ССР .	3
2. Дореволюционная бурятка	25
3. Бурятия после Октябрьской революции	43
4. Бурятка при советской власти	48

Издатель

1956

ст. 84
нр 90

23